

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ДЕПОРТАЦИИ И СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ)

Л. П. Белковец

Система спецпоселения, сформировавшаяся в России в 1930–1950-е гг., еще не получила правовой оценки в юридической науке. Начавшись как «кулацкая ссылка» времен коллективизации, она превратилась в 1940-е гг. в систему социальной изоляции огромных групп населения и целых народов¹, подвергшихся принудительному переселению в восточные регионы СССР, лишенных имущества и определенных политических прав, гарантированных сталинской конституцией 1936 г.

Историки видят в спецпоселении «ограничение прав граждан по месту жительства (в том числе депортированных – по новому месту жительства), прежде всего, права на свободное передвижение»². Правоведы еще не дали своей оценки этого явления, широко вошедшего в исторический обиход, что создает предпосылки для разного рода преувеличений и искажений исторической реальности. Самым серьезным из них является утверждение, что депортации и спецпоселение являлись следствием политики «геноцида», нацеленной на «уничтожение» целых народов, которые нередко звучали и продолжают звучать в речах и публикациях, прежде всего, деятелей немецкого национального движения³. Серьезным поводом для их появления стал Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», которым были отменены все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц (тогда еще сокрытые в засекреченных фондах советских архивов), принятые в отношении этих народов и принесены официальные извинения за политику, именовавшуюся «политикой геноцида и беззакония». Извинения, однако, носили сугубо политический и даже популистский характер, ибо материальных условий для подлинной реабилитации, восстановления нарушенных прав, утраченной государственности и имущества, создано не было. Этот закон как бы приоткрыл шлюзы для всестороннего бичевания и осуждения «политики клеветы и геноцида», проводившейся диктаторским режимом Сталина в СССР в годы Великой Отечественной войны и после нее в отношении отдельных социальных и нацио-

нальных групп населения. Публицистическая шумиха, поднятая в стране, во многом поспособствовала эмиграции немцев, рвавшихся уехать из страны, если не в Германию, то куда угодно, и появлению части тех проблем национального характера, которые до сего времени отягощают жизнь народов России.

Автор предлагает квалифицировать спецпоселение как специальный административно-правовой режим, введенный государством в целях обеспечения должного правового порядка, установления необходимого правового состояния социального объекта – «групп риска», к которым относились отдельные категории населения и этносы, лишённые государством доверия в силу разного рода причин политического характера. Это состояние было достигнуто при помощи известных в административном праве средств, в том числе введения дополнительных запретов и обязываний, не только ограничивающих свободное поведение, но и предусматривающих превентивный контроль за исполнением этих требований. Запрещающие и обязывающие административно-правовые нормы, образующие режимные правила спецпоселения, ограничивали общую правосубъектность физических лиц. Обязательным и главным субъектом такого режима стала полиция в лице НКВД-МВД, исполнительный орган публичной власти, которая использовала административно-правовой метод воздействия, регулируя правоотношения с подчиненным ей контингентом. Была разработана система контроля и надзора за выполнением режимных требований не только физическими, но и должностными лицами, которая включала в себя точный учет подвластных контингентов, «сплошную» и выборочную проверки соблюдения ими правил режима, оперативно-чекистское обслуживание, розыскные мероприятия и т.п. Нарушение установленных правил специального режима влекло за собой пресекательные меры и меры дисциплинарного и административного принуждения.

К приемам регулирования в специальном административно-правовом режиме относятся «зонирование территории», на которой действуют особые правила, определение специальных постоянных или временных органов, наделенных компетенцией по поддержанию режима, введение особых режимных правил жизнедеятельности населения, пребывания и передвижения по режимной территории, пользования имуществом, пропускной режим и т.п.⁴ Все эти элементы обнаруживаются в системе спецпоселения. Мы проследим их введение на примере немецкого этноса, с депортации которого, собственно, и началось ее правовое регулирование.

Режим спецпоселения формировался в несколько этапов. На первом

(1941–1943) еще отсутствовала четкая регламентация правового статуса спецпереселенцев (так стали называть депортированные этносы), занимавших некое промежуточное положение между такими категориями населения, как эвакуированные, переселенцы, спецпоселенцы. На втором этапе (1944 – 1949) происходит оформление нормативно-правовой и организационной основ системы спецпоселений, определяется структура курирующих ее органов и правовой статус спецпереселенцев. Оформляется ограничительный режим со всеми его характерными признаками. Третий этап (1950 – вторая половина 1950-х гг.) – постепенное ослабление и последовательное снятие режима спецпоселения, которое, выполнив свою задачу, все более обнаруживало свою политическую и экономическую несостоятельность.

В создании нормативной базы спецпоселения участвовали как высшие органы государственной власти⁵, так и главный исполнительный орган, которому были подчинены спецпереселенцы – НКВД – МВД.⁶ Начало спецпоселению дала депортация, при проведении которой часть граждан определенной национальности без судебного решения обвинялась в измене родине и получила превентивное наказание в виде высылки за действия, которые еще не были совершены. Для них основным закон, гарантировавший права и свободы гражданам СССР, утратил силу с обнародованием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Выселение было обязательной и принудительной акцией, альтернативой ему мог быть лишь «переход на нелегальное положение», ответственность за который возлагалась на «глав семей»⁷. Конечно, переселенные за Урал немцы преступниками не считались, их правовой статус определялся поначалу как «эвакуированных по линии НКВД» или «граждан, проживающих на территории Советского Союза и подлежащих перемещению на жительство из одних районов в другие в административном порядке». Тем не менее, уже 10 января 1942 г. последовало первое распоряжение НКВД о праве депортированных на передвижение, которое ограничивалось «пределами того района, на территории которого они были расселены»⁸. В административном отношении немцы были подчинены разным ведомствам: учет и дача справок по розыску родственников остались за инспекторами отделов по эвакуации населения областных и краевых исполкомов, трудовое и хозяйственное устройство – за районными исполкомами, а политическая нравственность (настроения, антисоветские высказывания, «банд проявления», «террористические намерения» и т.п.) – за органами НКВД. Только «районные органы НКВД по месту жительства» могли теперь решить вопрос о разрешении переезда «в другие места СССР»⁹.

В ноябре 1943 г. с целью более точного «учета и наблюдения за трудо-

вым устройством спецпереселенцев», «усиления агентурно-оперативной работы» в их среде началось создание при управлениях НКВД республик, краев и областей, в которых они размещались, отделов спецпереселений (ОСП) и спецкомендатур НКВД. ОСП НКВД являлся самостоятельным органом, не подчиненным ГУЛАГу НКВД, что свидетельствовало и об особом статусе подопечного ему контингента, который, несмотря на ряд правовых ограничений, все же не относился к разряду «заключенных». Новые отделы и занялись работой по созданию особого режима спецпоселения.

Главным органом по обслуживанию спецпереселенцев становились спецкомендатуры: районные, дислоцировавшиеся в районных центрах при районных отделах НКВД, зам. начальники которых назначались их комендантами и подчинялись ОСП; и поселковые, сосредоточивавшиеся в центрах расселения спецпереселенцев и подчиненные районным спецкомендатурам или районным отделам НКВД. Спецкомендатуры обязывались наладить посемейный и персональный учет спецпереселенцев, контроль за их передвижением в местах расселения, ввести агентурно-оперативное обслуживание переселенцев, одной из главных задач которого становилась «борьба с побегами». Спецкомендатуры должны были предупреждать побеги, производить дознание по делам о побегах, вести разработку бежавших. В их функции входило также выявление антисоветских и уголовных элементов, «отрицательных политических настроений» спецпереселенцев. Спецкомендатуры осуществляли административные и организационные мероприятия, связанные «с соблюдением установленного режима в местах расселения спецпереселенцев» и оказывали содействие их хозяйственному и трудовому устройству»¹⁰.

В целях осуществления всех перечисленных выше задач спецкомендатуре поручалась «расстановка и вербовка осведомительной сети», оформление личных дел на осведомителей и учет их работы, ведение агентурных разработок и дел-формуляров по преступлениям спецпереселенцев, за исключением дел о контрреволюционных преступлениях и бандитизме. К административным функциям спецкомендатур относилось оформление дел об освобождении с места поселения «в соответствии с приказами и директивами НКВД», выдача справок на право регистрации актов гражданского состояния в местных советах депутатов трудящихся, прием от спецпереселенцев жалоб и заявлений и их разработка. В комендатуре кроме коменданта действовали также надзиратели, прикреплявшиеся к группам спецпереселенцев. Они обязаны были знать каждого своего подопечного «в лицо и по фамилии», следить за происходящими в семье событиями (рожде-

ние, смерть, развод, прибытие родственников), фиксировать разного рода проступки и нарушения режима и, кроме доклада коменданту, принимать самостоятельные меры к преследованию, розыску и задержанию бежавших с места поселения.

В отдельном разделе Положения определялись права и обязанности спецпереселенцев. Спецпереселенцы «пользуются всеми правами гражданскими, – говорилось в нем, – за исключением некоторых ограничений, предусмотренных отдельными решениями органов государственной власти». Они могли «беспрепятственно вступать в существующие колхозы, сельхозартели, производственные товарищества, входящие в систему промысловой кооперации или организовывать самостоятельные колхозы, объединяться в артели промысловой кооперации, в сельхозартели на общих основаниях». (Последнее было весьма проблематичным ввиду их дисперсного проживания среди правового населения – **Л. Б.**) Спецпереселенцы, работающие в промышленности, что касалось условий и оплаты труда, приравнивались к остальным рабочим, работающим в данной отрасли. На спецпереселенцев распространялось законодательство о труде, социальном страховании, обеспечении пособием по временной нетрудоспособности, на рождение ребенка, погребение, пенсиях по инвалидности. На многосемейных распространялось действие известного постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о государственной помощи многосемейным. Дети спецпереселенцев, окончившие среднюю школу, могли поступать в специальные средние технические и высшие учебные заведения, находившиеся в районе спецпоселения. Для строительства жилья и обзаведения скотом спецпереселенцы могли получать от государства ссуды. В течение двух первых послевоенных лет немцы и другие спецконтингенты пользовались налоговыми льготами.

Ограничения налагались на свободу передвижения. Спецпереселенцам и их семьям запрещалось без разрешения спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы территории своего сельсовета, за исключением случаев, когда это связано с посещением установленных для них мест работы. Налагался запрет на выезд или уход за пределы административного района расселения (в городах), для чего в паспортах делалась отметка: «действителен для проживания только в таком районе или городе». Самовольное оставление мест расселения каралось в уголовном порядке как за со-вершение побега, если самовольная отлучка превышала одни сутки, в соответствии с существующими законами.

Спецпереселенцы обязывались заниматься «общественно-полезным

трудом в колхозах и по найму в совхозах и других государственных и кооперативных организациях в пределах района расселения», беречь государственное и общественное имущество, которым они пользуются, выполнять все распоряжения спецкомендатуры НКВД. За нарушение трудовой дисциплины они, наравне с остальным населением страны, могли привлекаться к ответственности по указам Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. (вводил запрет на самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений) и от 26 декабря 1941 г. (об уголовной ответственности за него).

Следующей вехой оформления правового статуса спецпереселенцев стало Постановление СНК СССР за № 25 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». Полностью продублировав предыдущий акт, оно ввело несколько новелл в их обязанности. В частности, главы семей или лица, их заменяющие, обязывались теперь в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД об изменениях в составе семьи (рождении, смерти и др.). Вводилось административное взыскание в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток за нарушение режима и общественного порядка в местах поселения и неподчинение распоряжениям с/к.¹¹ Чуть позже были определены проступки, за которые следовала ответственность в административном порядке (неявка без уважительной причины по вызову спецкомендатуры, несообщение в нее об изменениях в семье, непристойное поведение в общественных местах, хулиганские выходки, дебош, если они не влекли за собой ответственность уголовную). Устанавливалась давность проступка – «не позднее месячного срока со дня совершения». Запрещалось одновременное применение штрафа и ареста и замена штрафа арестом. При решении вопроса о виде взыскания следовало исходить «из тяжести совершенного проступка, его последствий, дисциплинированности спецпереселенца до совершения проступка и его материального положения»¹².

Были разработаны и процедурные нормы. Комендант обязан был по получении сообщения о нарушении предварительно проверить его, отобрать объяснение от нарушителя, а уж потом выносить постановление, которое подлежало утверждению начальником РО или ГО НКВД. Постановление о наложении взыскания в виде ареста подлежало также санкции городского или районного прокурора. Утвержденное постановление вручалось нарушителю под расписку не позднее двухмесячного срока со дня его вынесения. Истечение срока вело к утрате постановлением силы.

Спецпереселенец, арестованный в административном порядке, содер-

жался отдельно от следственных заключенных в камерах предварительного задержания при горрайотделах НКВД. Отдельные арестные помещения для спецпереселенцев запрещались. На них распространялось «Временное положение о камерах предварительного задержания РК милиции» от 1938 г. Об отбытии наказания в постановлении об аресте делалась соответствующая отметка. Штраф вносился самим нарушителем в местные филиалы госбанка (лично или почтовым переводом) для зачисления во всесоюзный бюджет.

Секретари-счетоводы горрайотделов НКВД учитывали штрафы по данным, полученным от спецкомендатуры, и отражали их в особой отчетной ведомости. Квитанцию о внесении суммы штрафа следовало представить в спецкомендатуру в десятидневный срок после объявления постановления. После занесения ее в ведомость она возвращалась спецпереселенцу. В случае неуплаты наложенного штрафа он взыскивался с него «в законном порядке по решению народного суда».

В 1944 г. приказами и директивами НКВД на разные категории спецпереселенцев было распространено «оперативно-чекистское обслуживание», которое становилось «одним из видов секретной работы советской разведки». ¹³ Ее ведение поручалось спецкомендатурам НКВД через агентурно-осведомительную сеть, вербуемую из среды спецпереселенцев. Тогда же был введен новый табель отчетности ОСП, который составляли сначала месячный, а с 1946 г. квартальные отчеты об агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев, направлявшиеся в Москву.

Автором изучены таковые отчеты за весь период деятельности ОСП УНКВД/МВД по Новосибирской области до конца немецкого спецпоселения в 1955 г. Анализ их не входит в задачу настоящей статьи. Но следует сказать, что спецслужбы внесли огромный вклад в разрушение национальной идентичности этносов, находящихся на спецпоселении. Они уверенно реализовывали идеологические установки тоталитарного режима по созданию культа внутреннего врага, на которого можно было списать вину за провалы своей политики, за невыносимые условия жизни основной массы населения, своим героическим трудом на фронтах и в тылу приближавшего победу над могущественным внешним врагом. Всего удобнее было выдать внутреннего врага за агента врага внешнего. Как нельзя лучше на эту роль подходили российские немцы. Тысячами невинно расстрелянных, загнанных в лагеря и тюрьмы, умерших от голода и болезней, исковерканных человеческих судеб, разрушенных семей, заплатили они за свою этническую принадлежность.

Но особую ценность осведомление имело как мера предотвращения по-

бегов с места поселения и дезертирств с предприятий оборонной промышленности, а также борьбы с уголовными преступлениями. Агентурные донесения такого рода немедленно шли в аппараты милиции и ББ, которые принимали соответствующие меры. Осведомители помогали в установлении местонахождения бежавших, их связей с родственниками, оказывали неоценимые услуги в соблюдении режима спецпоселения (выявляли самовольные отлучки), в трудовом использовании спецпереселенцев.

Одной из главных задач осведомления являлось выявление настроений спецпереселенцев. Отчеты, как правило, содержат обстоятельные характеристики настроений, как положительных, так и отрицательных. Отрицательных, связанных с общим недовольством людей тяжелым материальным положением, дискриминацией, было гораздо больше. Это позволяло органам относить всех спецпереселенцев к такой категории населения страны, которая враждебна советской власти. Так, в донесениях агентов сохранились известия о реакции немцев на уже упомянутый указ от 26 ноября 1948 г. Когда власти стали отбирать подписки о невозвращении в родные места, многие, не зная за собой никакой вины, падали в обморок, рыдали, грозили самоубийством, просили: «Не хотим жить каторжанами, лучше поставьте нас всех под автомат, чем мы будем жить, как собаки на цепи».

Но осведомление давало в руки органам и материал о «незаконных» действиях на местах по отношению к спецпереселенцам руководителей предприятий, организаций, ущемлявших «законные» права выселенцев. Соответствующая информация направлялась руководством УНКВД в областной комитет ВКП/б/, в областной исполнительный комитет, которые принимали те или иные ответные меры. Только за один 1947 г. в эти инстанции ушел 21 доклад ОСП о настроениях спецпереселенцев, связанных с трудовым, хозяйственным и бытовым устройством, снабжением, грубым обращением, притеснениями разного рода, использованием не по назначению специалистов с высшим и средним образованием и т.п.

В 1949 г. стали практиковаться выступления главы УНКВД Ф. Петровского на совещаниях председателей РИКов о хозяйственном и бытовом устройстве спецпереселенцев, о переселении их в другие районы, где они могли быть обеспечены жильем и пр. С 1950 г. председатель ОблиКа регулярно направлял председателям РИКов указания «о незаконных действиях некоторых руководителей совхозных и хозяйственных организаций, ущемляющих законные права выселенцев». Это могли быть невыплаты зарплаты, декретных или отпускных, премий, отказы детям в яслях и в транспорте для подвоза топлива или овощей, необоснованные увольнения с работы, изъяс-

тия имущества, оскорбления. Все они рассматривались как нарушения Постановления СНК СССР от 8.01.1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». По целому ряду дел местным властям удавалось восстановить справедливость. Как «перегиб», к примеру, было расценено ими в марте 1950 г. увольнение в Северном районе из школ не только учителей-немцев, но и техничек, дворников, кочегаров, проработавших на своих местах по 5–6 лет. По настоянию РО МГБ в Мошковском районе была восстановлена на работе акушерка Саберфельд, в Чановском районе вернули дом и скот с/п Эбель, отнятые у нее председателем колхоза.¹⁴

Гораздо труднее было органам бороться с «законными» ущемлениями прав спецпереселенцев, в том числе с запретами на использование специалистов высокой квалификации в учреждениях просвещения, здравоохранения и др., периодически там и тут налагавшихся самой местной властью. Не случайно, в отчетах за 1949 г. с горечью констатировалось, что свыше 1 000 немцев – квалифицированных специалистов и рабочих не могут быть использованы по специальности, ибо это педагоги, медики и бывшие советские работники, а рабочие — бывшие работники железнодорожного и водного транспорта и связи. Им пришлось переквалифицироваться и приобрести новые специальности.

Трудовые мобилизации немцев в рабочие колонны, сочетавшие в себе элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, структура подразделений, внутренний распорядок, единоначалие, централизация органов управления), элементы производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, формальная оплата труда) и элементы лагерного режима содержания («зона», охрана, административный режим, нормы снабжения) были вынужденной мерой, призванной обеспечить работу тыла, ковавшего оружие победы на фронтах Великой Отечественной войны.

Мобилизация коснулась не только немцев, но и представителей других национальностей воюющих с СССР стран. Значительная часть немцев была мобилизована на оборонные предприятия сибирских и уральских городов. Как и все остальные «мобилизованные», они были обязаны подчиняться трудовому законодательству военного времени. В отношении немцев проводились и другие мероприятия охранного порядка. Однако мы не имеем права утверждать, как это неоднократно делалось, что мобилизация заранее была рассчитана на уничтожение немецкого этноса, для чего искусственно создавались ужасающие условия его «принудительного трудоустройства», порождавшие многочисленные жертвы. Не меньшие жертвы принесли на алтарь войны и другие народы.

В 1948 г. были введены обязательные ежемесячные явки глав семей спецпереселенцев на отметку в спецкомендатуры, а уклонения от них стали рассматриваться как нарушение режима. Немцы и другие народы были объявлены переселенными «навечно, без права возврата к прежним местам жительства». За нарушение главного запрета ограничительного режима – уход с места поселения – была введена уголовная ответственность, сначала в виде 10-ти лет лишения свободы, а затем и 20-ти лет каторжных работ для самих спецпереселенцев и 5-ти лет лишения свободы для лиц, помогавших им покинуть места спецпоселения. К розыску и поимке беглецов, кроме милиции и групп содействия ей – «бригадмилов», оперативно-розыскных отрядов МВД, привлекались представители актива из самих спецпереселенцев, те, кто помогал спецкомендатурам осуществлять административный надзор: «старшие» барачков и дворов, коменданты общежитий и барачков, «группы содействия по борьбе с побегами», организованные «из числа партийно-комсомольского советского и колхозного актива». Они действовали «на путях возможного движения спецпереселенцев, бежавших с мест поселения», вели наблюдение за склонными к побегу лицами, принимали участие в розыскных мероприятиях, в преследовании беглецов и т.п.

Кроме ограничительных средств воздействия, правовой режим использовал и такие юридические способы, как стимулы в виде льгот и поощрений. Это могло быть денежное вознаграждение агентам-осведомителям, по материалам которых готовилась реализация или уже были реализованы агентурные дела (на группы лиц) и дела-формуляры (на одиночек). Стимулировались аккуратность членов «актива» в явках и дисциплинированность в выполнении порученных заданий. «За особые заслуги перед органами НКВД в разработке контрреволюционных и бандитских формирований, хищнических групп, а также неоднократное предотвращение организованных побегов с мест поселения, – говорилось в Инструкции по агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев, – особые ценные агенты-осведомители могут представляться начальниками РО НКВД к досрочному освобождению из ссылки (по ссыльно-поселенцам), освобождению из высылки (по спецпереселенцам – бывш. кулакам) и предоставлением права выбора нового места жительства в районах расселения (по спецпереселенцам – карачаевцам, калмыкам и др.)». Предполагалось, что в этих районах будут «лучшие климатические и хозяйственно-трудовые условия».

Спецпоселение, таким образом, при всех правовых ограничениях, многочисленных нарушениях «законных прав» спецпереселенцев, допускавших

ся контролирующими его органами, само по себе не являлось репрессивным механизмом. Оно не стало частью системы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД. Введенное как специальный административно-правовой режим, оно органично вписалось в существовавшую в СССР командно-административную систему, выполнив свою главную задачу – надзор и налаживание трудового использования отдельных национальных «групп риска». В экстремальной ситуации (а именно такой она была в СССР в годы форсированного строительства социализма, не говоря уже о периоде Второй мировой войны) специальный административный режим помог государству сохранить себя и свои ценности.

Закрепление немцев – главного трудоспособного контингента среди переселенных народов – в местах спецпоселения помогло решить важнейшие задачи экономического характера, закрыть практически бесплатной рабочей силой самые трудоемкие отрасли промышленности и колхозные поля. Этот труд помог СССР выстоять в войне. Но никакими благими намерениями нельзя оправдать ужесточение режима после войны, когда закручивание гаек и еще более усилившийся поиск среди спепереселенцев шпионов и контрреволюционеров приобрели характер болезненной мании.

В условиях разгоравшейся «холодной войны» в мире система продолжала творить миф о своей полезности и необходимости, в то время как ее влияние приобретало все более отрицательное значение. Государство потеряло за это время больше, чем приобрело. Лишенный возможности компактного проживания, строительства собственной национальной государственности, немецкий этнос был вынужден пережить нелегкие времена. Пострадало национальное самосознание, которое не позволяло немцам ранее растворяться среди остальной массы народов и национальностей СССР. Затянувшаяся реабилитация вылилась в стремление найти себе и своим детям место на исторической родине.

Тем не менее, полученные данные не подтверждают мнений некоторых исследователей об особой национальной политике советского государства, направленной на ликвидацию немецкого этноса в СССР. Автор в этом смысле склонна присоединиться к авторитетному мнению А. А. Германа, что геноцид как метод уменьшения численности немецкого населения или его ликвидации диктаторским режимом Сталина не предусматривался и не проводился. Невозможно признать также, что подобные цели режим преследовал в отношении других народов, находившихся на спецпоселении.

Действия советского государства в отношении этих народов не могут быть признаны наказуемыми деяниями согласно ст. 2 «Конвенции о преду-

преждении преступлений геноцида», принятой в 1948 г. Эта статья квалифицирует геноцид как деяния, «совершенные с намерением уничтожить, полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу». Международное право относит к таким действиям «убийство членов такой группы», «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее физическое уничтожение» и т.д. Политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление по причине отсутствия всех элементов состава такого преступления как геноцид. Отсутствует объективная сторона, но нет и субъективной стороны (она предполагает наличие вины, в данном случае в виде прямого умысла). Скорее спецпоселение может быть признано своеобразным способом использования трудовых ресурсов населения в целях восстановления разрушенного войной хозяйства и освоения малонаселенных зауральских территорий.

¹ В СССР на 1 января 1949 г. на спецпоселении находились 2 300 223 человека, почти половину составляли российские немцы – 1 035 701. Кроме них депортации и режиму спецпоселения были подвергнуты крымские татары, чеченцы, калмыки, ингуши, карачаевцы, этнические болгары, венгры, румыны, финны, литовцы, латыши и др. этносы СССР. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования..1990. № 11. С.10.

² Бугай Н. Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» И. Сталин: 1940-е годы. М., 1998. С.8.

³ См., к примеру, книгу Гуго Вормсбехера под названием «Убить народ», вышедшую в Новосибирске в 2002 г.

⁴ См.: Бахрах Д. Н. Административное право России. М.: Норма, 2000. С. 414–416. См. также: Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С.19 – 25.

⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», постановления Государственного Комитета Оборона о переселении немцев из других областей СССР, о мобилизации в рабочие колонны, постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «О ссылке, высылке и спецпоселках», Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны» и др.

⁶ Приказы и инструкции НКВД – МВД регулировали самые разные стороны жизни спецпереселенцев. Назову лишь самые главные, определявшие их правовое положение: Приказ от 28 августа 1941 г. «Об организации Отдела спецпереселений (ОСП) НКВД СССР», Инструкция от 20 августа 1942 г. «О порядке сопровождения эшелонов спецпереселенцев частями конвойных войск НКВД СССР», Приказ от 22 ноября 1943 г. «Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей», Приказ от 7 февраля 1944 г. «О введении в действие Положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев», Приказ от 26 февраля 1944 г. «О порядке выдачи документов спецпоселенцам (бывшим кулакам, корейцам, немцам, карачаевцам, калмыкам, чечено-ингушам и другим)», Приказ от 16 августа 1944 г. «С объявлением инструкции по учету спецпереселенцев», Инструкция от 14 сентября 1945 г. «О порядке наложения административных взысканий на спецпоселенцев», Приказ от 8 марта 1948 г. «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев», Приказ от 7 февраля 1949 г. «Об организации персонального учета спецпереселенцев по новой системе» и др.

⁷ Приказ Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР от 11 октября 1941 г. «О мероприятиях по переселению немцев из Воронежской области». – Коллекция документов Архива Управления ВД по Новосибирской области.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 139 с/р-1020. Оп. 5. Д. 76. Л. 124.

⁸ Там же. Ф. 139 с/р-1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 81.

⁹ Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР «О введении в действие положения о районных и поселковых с/к НКВД» от 7 февраля 1944 г. – Коллекция документов АУ МВД по Новосибирской области.

¹⁰ См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Составители Ауман В.А., Чеботарева В.Г.–М., 1993. С.175.

¹¹ Инструкция о порядке наложения административных взысканий на спецпоселенцев, объявленная в приказе НКВД от 14 сентября 1945 г. – Коллекция документов АУ МВД по НСО.

¹² Приказ народного комиссара ВД Союза ССР № 00191 «О введении в действие инструкции по агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев. – Коллекция документов Архива УМВД по НСО.

¹³ См.: Там же. Ф. 5. Оп. 13. Пор. 2. Д. 18.